

Александр Такмаков

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША

Александр Такмаков

Неупиваемая чаша

«Издательские решения»

Такмаков А.

Неупиваемая чаша / А. Такмаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747911-4

В книгу «Неупиваемая чаша» прозаика Александра Такмакова включены произведения, развивающие тему приобщения героев к вере в Бога, стремления избавиться от своих пороков и веры, что земная жизнь с физической смертью не заканчивается, она переходит в другое состояние.

ISBN 978-5-44-747911-4

© Такмаков А.
© Издательские решения

Содержание

Божий промысел	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Неупиваемая чаша

Александр Такмаков

*Предай Господу путь твой
и уповай на Него, и Он свершит,
и выведет, как свет, и правду твою...*

Псалтырь Псалом 36

© Александр Такмаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Божий промысел

Повесть

Глава 1

Конец лета в нашем городке и его окрестностях выдался сухим и знойным. Яблони отяжелели и начали сбрасывать с себя янтарные плоды. Одни жители с остервенением готовились к долгой и холодной зиме, другие, позабыв все на свете, настраивались на большую предвыборную борьбу. По вечерам какие-то люди настырно совали в руки прохожих листовки, ломились в квартиры с настойчивыми просьбами голосовать за их кандидата. Пока все шло мирно, но в воздухе уже носились первые признаки большой войны. Бои местного значения начались за месяц до выборов мэра, то тут, то там горели ярким синим пламенем плакаты претендентов, вспыхивали скандалы и небольшие драки. Затем, с приближением дня икс, мелкие стычки и внезапные наскоки стали превращаться в кровавые побоища. Шла разведка боем. Противники укрепляли свои позиции, сосредотачивали силы на главных направлениях и, наконец, готовили тайное оружие, которое в определенный момент обеспечит им окончательную победу над врагом.

На один из таких наскоков, как на представителя враждебной стороны, в середине сентября напоролся и я, независимый журналист, член выборного штаба местных демократов. Писал я о казнокрадстве, обмане людей и других недостатках нашей вялотекущей жизни. Собственно, я даже и не писал, а перерабатывал и готовил к печати материал, добытый нашими засланными в стан противника казачками. Однажды поздним вечером меня остановили два симпатичных парня, и один из них очень ласково спросил: «Вы, случайно, не Чернов? Не тот ли журналист, автор серии статей о местной плутократии?» Не знаю, кто меня дернул за язык, но я вдруг, вскинув голову, с гордостью произнес: «Да, это я, Семен, незави...» – и в то же мгновение получил зубодробительный удар в челюсть. Очнулся я в отблесках огня Красного дракона на розовом тротуаре от брезгливого покашливания и невнятного бормотания какого-то сердобольного старичка: «Эх, хе-хе, молодежь, никакого удержи...»

– Меня избили, – подал я голос и ощупал свой изуродованный фейс.

– Брось, поди сам хряснулся о бордюру, а говоришь, избили... – насмешливо протянул старик.

– Клянусь, на меня напали, меня били, и вовсе я не пьяный, – с грехом пополам поднимаясь с тротуара, лепетал я.

– Не пьяный, а разит как из бочки, – ухмыльнулся старик.

Отряхнув пыль с ладоней, немного постояв, я медленно побрел домой. Добравшись до своей квартиры, я вперился в зеркало: лицо моей морды раздувалось и превращалось в фиолетовый пузырь с двумя щелочками вместо глаз. «Ну уроды, ну паскуды, погодите», – вскипел я и тут же позвонил своему давнему приятелю Антону Кутилкину.

– У Кутилкина кулаки крепкие, он поможет, – размышлял я, – у него есть ребята, ему не привыкать к разборкам.

Уже через десять минут он, большой и сильный, ввалился в нашу малогабаритную квартиру и, пожевав губами, изрек: «Репа у тебя вылитый баклажан, я тебя предупреждал, будь осторожен, а ты?..»

– Мне что же, запереться дома и сидеть?

– В милицию обращался? Нет? И правильно, одна шайка-лейка. Ну ничего, теперь мы с ними по-своему разберемся.

– Это как же? – прошамкал я.

Антон в раздумье почесал свою большую, похожую на спелую тыкву голову и задумчиво произнес:

– Тут своими силами не обойтись, тут нужна подмога со стороны... Помнишь Пашку Чижа? Он в параллельном классе учился, ну тот, что клево шарил в компьютерах, помнишь? Потом в военке учился, офицером стал и до ранения служил в одной из спецслужб, неужели не помнишь?

– Неа, не помню, – замотал я головой.

– Не помнишь? Ну ты даешь! Ты за Зинкой из нашего класса бегал, она за Чижом, – хохотнул Антон.

– Какая Зинка? Да я и ее то не помню, а ты мне про Пашку... – скривился я.

Антон как-то странно чмокнул губами и лукаво посмотрел на меня:

– Так вот, недавно Чиж вернулся домой, его списали по ранению, отхреначили половину кишок – и гуляй, Вася. В общем, мы встретились, обнялись, расцеловались, как никак пять лет не виделись, перетерли наши дела, кстати, вспомнили о тебе, и я дал ему прочитать твои статьи, и Пашка заявил, мол у тебя не перо, а штык.

Антон помолчал и веско добавил:

– Чиж поможет.

– То есть как это поможет?

– Очень просто, Пашка теперь лидер молодежной организации, можно сказать генерал, его крепкие ребята защищают простого русского человека от инородцев. Да он кому хошь мозги вправит, а уж наших городских отморозков просто размажет.

– Не та ли это патриотическая организация, что железными прутьями избивает на рынках иноверцев? – с нескрываемым сарказмом спросил я.

– Может, и она, а что? Они делают свое дело так, как считают нужным. Между прочим, не успел я до тебя добраться, как мне уже брякнули, что ты изрядно пьян, а вижу, ничего, сидишь, сопли жуешь.

– Не пьян, правда, сегодня в редакции был небольшой междусобойчик, но пьян – нет, просто был навеселе, – прошамкал я. – А этот Чиж... Не тот ли это Чижик, о котором пишут некоторые московские газетенки и называют его «русский Зорро»? Ну в общем, думай что хочешь, а только все это мне очень не нравится.

– Да ты чо, в натуре, Пашка укоротит кое-кого, и все, дело в шляпе.

Не знаю отчего, но вдруг мне показалось, что обращаться к Пашке за помощью опасно, но делать было нечего, в моем положении выбирать не приходилось, а потому без восторга, но я согласился с предложением Антона.

Антон тут же позвонил на мобильник Пашке, рассказал все историю и сообщил мне, что завтра в семь вечера он готов встретиться с нами.

На другой день мы с Антоном в томительном ожидании сидели под навесом с романтическим названием «Клинское пиво» и разглядывали прохожих.

– Ты как хочешь, а я больше не могу. Два часа рвем себе пузо этим дурацким мочегонным пойлом, а этого защитника униженных и обреченных все нет и нет. Как это понимать? Где этот чертов патриот? Как ты думаешь, он приедет? – ворчал я.

– Пашка – человек занятой, дела разные, а может быть, еще чего... – глубокомысленно изрек Антон и заказал третью кружку золотистого ячменного напитка бельгийского разлива.

Не успела сухопарая девица преклонных лет выполнить наш заказ, как у Антона мобильник глухо, точно сердитый кот, заурчал, и трубка похмельным баритоном ротного старшины прохрипела:

– Эй, рядовые необученные, допивайте и шагайте в казачью кормушку.

– Чиж? Наконец-то, – облегченно вздохнул я.

Мы пересекли улицу Гагарина и нырнули в полуподвал крошечного ресторанчика с дорогими винами и шашлыками из осетрины. Следом, отрезая нам пути отступления, в зал вошли два дюжих молодца. Они профессионально огляделись и небрежно уселись за самый крайний стол пустого зала. У стены за накрытым столом, излучая безграничное спокойствие и уверенность в себе, стоял красивый, коротко стриженный молодой человек в камуфляже с орденскими планками на груди. Мы подошли к столу и пожали друг другу руки. Рука у Пашки была крепкая, тренированная и как бы передавала жесткий, не склонный к лирике, упорный характер ее обладателя.

– Семен, – представился я.

– Мы же знаем друг друга, в одной школе учились, так что давай без церемоний, – усмехнулся Пашка.

Встретившись с надменным взглядом глубоко сидящих серых, со стальным отливом глаз, я наконец вспомнил скромного паренька, который в школе отбил у меня мою первую любовь. Передо мной стоял надменный, уверенный в себе и в правоте своего дела, ни дать ни взять, молодой генерал Ермолов – усмиритель кавказских горцев. Тихий, скромный школьник, неплохо знающий точные науки, превратился в глыбу серого с розоватыми прожилками гранита, из которого не сегодня завтра начнут высекать монумент.

– Здорово, генерал, пока тебя ждали, я думал, у меня вот-вот пузо лопнет, – опускаясь на стул, с неожиданным почтением простонал Антон.

– Привет городским борцам за справедливость и простите за опоздание. Пришлось задержаться из-за одного человечка, который вас очень и очень заинтересует, но об этом позже. А сейчас за встречу по маленькой, а?

– По махонькой завсегда готовы, – оживился Антон и взял в руки бутылку «Парламента». Пашка посмотрел на меня, улыбнулся и медленно, с расстановкой спросил:

– Досталось? Знай, это только начало, противник переходит к активным действиям, скоро начнется наступление по всему фронту. По крайней мере, мои источники в городе прямо говорят об этом.

– Ты думаешь? – удивился я. – Да, кстати, за какие заслуги твой ордена?

Пашка потрогал цветную орденскую колодочку и сказал:

– Этот за ликвидацию банды Радуева, этот за Косово, а этот за спасение трех видных американских гуманитариев, – и, улыбнувшись, продолжал. – Мой агент говорит, что побили тебя, Семен, для острастки и в назидание другим, понял? – усмехнулся Пашка. – Били умельцы, фингалы точно габаритные огни танкера, терпящего крушение у берегов Нигерии. Не ровен час, вынесет тебя океанская волна напрямиком к местным людоедам, и появится на шесте твой обглоданный череп.

– А он ее специально подставил, мол, нате бейте, только я вас, гадов ползучих, все равно вытащу на свет божий и предам суду божьему, и понесете вы, гады, высшее наказание – не увидите вы света белого, – аппетитно почмокав губами, хохотнул Антон.

Пашка хитро, с улыбкой, посмотрел на меня и напористо, с издевкой, сказал:

– Нельзя, Сеня, мэра и особенно его окружение безнаказанно шельмовать. Мэров надо беречь, они все, как на подбор, нищие, они ежели хапают, то не себе, они для семьи хапают, а семья, всем известно, дело святое.

– Ну все, – замахал руками Антон. – Разливаем, опрокидываем за встречу, а потом поговорим, лады? – он взял бутылку, резким взмахом руки раскрутил ее, посмотрел, как ввинчивается и спадает водочный смерч, и разлил водку в хрустальные фужеры.

– За встречу, за местных неукротимых, бесстрашных борцов за народное счастье и процветание демократии в отдельно взятом регионе, за вас, друзья, – не то в шутку, не то всерьез сказал Пашка и одним махом опрокинул водку себе в рот. Мы с Антоном выпили следом и с большим аппетитом навалились на всевозможные разносолы.

– А теперь к делу, – прожевав закуску, заявил Пашка. – На действия противника мы ответим контрударом. Наемников, что тебя, правдолюбца, побили, мои бойцы уже нашли и ждут твоего слова – калечить или просто поугатать?

– Зачем же сразу калечить? – удивился я.

– Статьи у тебя получаются что надо, хлесткие, надо почаще этих «честных» людей окунать мордой в грязь и показывать, как некоторые видные клинчане за хлебное место готовы любому шею свернуть, – не обращая внимания на мое удивление, продолжал Пашка. – Так что делать будем? Попугаем? Ребята ждут...

– Подожди, скажи-ка лучше, как тебе удалось за один день найти этих подонков?

– У нас свои методы, тебе, Сеня, это знать необязательно, ну так что, размажем этих говнюков али как?

– Всенепременно размажем, – с садистским сладострастием взревел Антон.

– Заметано, – Пашка помахал рукой, и к нам подошли те двое дюжих молодцев, что сидели у самого выхода из ресторана. – Все как договорились, действуйте, – властноскомандовал Павел и, повернувшись к Антону, вдруг сказал:

– Тебе, Антоша, надо выдвинуть свою кандидатуру в депутаты от села, где вся скотина полегла, ты как?

Антон оторопело цокнул языком, раздумчиво пожевал своими толстыми губами и наконец изрек:

– А что, это будет фишка что надо, а, Сеня?

– Я так и думал, – усмехнулся Пашка, – но для этого тебе надо иметь какое-то политическое лицо, и потому предлагаю организовать и возглавить городское молодежное отделение нашей партии.

Всегда индифферентный к политике, Антон беспомощно посмотрел на Пашку и растерянно заблеял:

– Эээ... Депутатство – это одно, а политика... Да в вашей партии сплошь одни наци и фобы, а у меня в мастерской половина рабочих – иносранцы, как быть?

– Ах ты хрен моржовый, мы не наци, мы прежде всего патриоты, понял разницу? Ты же в своем вшивом бизнесе забыл, какой мы переживаем беспредел, нищету и наглую, безудержное хвастовство разных там чмо! – взвился Пашка. – Мы все, обвалывшись в нечистотах социального равенства, скатились в зловонную яму равных возможностей, но при этом кто-то оказался в дерьме, а кто-то в золоте. И кто же они, те, что в золоте? – почти кричал Пашка. – Правильно, все те чмо, которых не в силах был истребить даже красный террор, те, что, не испачкав рук, совершенно фантастически богатеют! Так как же тут не станешь фобом? И что же в этом плохого, позволь тебя спросить, любить и защищать Россию от нашествия воров-иноплеменников? По-твоему, это плохо? Идиот, да ты посмотри на наш город, он стал пристанищем политических авантюристов.

Опустив по-бычьей голову вниз, Антон взял бутылку водки, разлил остатки по фужерам и, молча выпив, заговорил:

– Я согласен, все мы в дерьме и задыхаемся в зловонной жиже. Согласен, сильные и беспощадные крысы с безобидными апостольскими мордашками, прибрав и подмяв под себя россиян, благоденствуют. Я согласен, с ворами надо бороться, но бороться законно, не вашими палочными методами, согласись, это слишком круто.

Я смотрел на Антона, этого увальня, этого толстокожего штангиста и, как мне всегда казалось, ограниченного человека, и от удивления моя челюсть невольно опускалась все ниже и ниже.

Пашка снисходительно посмотрел на Антона и тихо спросил:

– А если закон молчит или делает вид, что борется, тогда что? На нас плюют, о нас вытирают ноги, а мы, подобно библейским праведникам, покорно склоняем наши головы под меч.

А ты, Сеня, что молчишь? – посмотрел на меня Пашка. – Или считаешь, что опубликовав пару тройку статей и разоблачив несколько казнокрадов, ты переделаешь нашу российскую ментальность – воров и мздоимцев? Поймите, вор должен не только быть наказан, но и вернуть награбленное людям. Кстати, сегодня вечером мы будем беседовать с одним из таких, и помогу найти его ты, Сеня. Помнишь, в июне ты написал, как некто Васи... нагло обобрал рабочих своего предприятия, сначала обанкротил, затем выкупил его за бесценок и, втридорога продав, скрылся.

– Никуда этот Васи... не скрывался, он кандидат в мэры, – сказал я.

– Оригинально, но почему я об этом не знаю? – раздумчиво протянул Пашка.

– Потому что он был зарегистрирован как кандидат только сегодня, – сказал я.

– Оригинально, это многое меняет в нашей диспозиции, это и будет нашим контрударом, а? Мои ребята отыскали его на Рублевке. Кроме дачи, у этой паскуды в Крыму пансионат, несколько гектаров великолепных виноградников и счета в забугорных банках. Так вот мы, как ты, Антон, говоришь, с нашими палочными методами не только разыскали, но и привезли его сюда, в город, на суд униженных и растоптанных людей, где судить его будут по законам военного времени, как говорится, на войне как на войне.

Наблюдая за Пашкой, я неожиданно заметил, что он действительно похож на генерала Ермолова, когда тот отдавал приказы об окружении горных аулов: та же осанка, то же величавое спокойствие на лице и глубочайшая вера в свою правоту. Все было хорошо в его облике, одно настораживало – плотно сжатые губы и пронзительный взгляд серых глаз говорили о полном отрицании чужого мнения. Видно было, что жизнь очень сильно перекожевала его. Видимо, служба в спецназе ГРУ была не сахар, а связанные с ней неизбежные потрясения превратили его в сурового и неподкупного судью чужих пороков. Вглядываясь в нового Пашку, я вдруг увидел, что бывший капитан по кличке Чиж под влиянием неведомых нам сил не просто изменился, но превратился в железного борца со всеми силами зла. Олицетворяли это зло все те, кто так или иначе обманывал русский народ и потешался над его врожденной доверчивостью. По всему было видно, бороться со злом он решил своими методами, для чего после возвращения из госпиталя сколотил группу единомышленников и довольно быстро сделался лидером молодежного крыла российской партии справедливости. Не берусь судить, одобрялись ли его взгляды и методы руководством партии, но в силу своего независимого положения Пашка мог проводить свою политику среди наиболее радикально настроенной молодежи.

– А не послать ли нам гонца, вы как? – любовно оглаживая пустую бутылку, почти пропел Антон и, не дожидаясь согласия, махнул рукой в сторону бара.

– Семен, тебе требуется защита? – глядя почему-то на Антона, спросил меня Пашка.

– Не знаю, до сих пор все было тихо-мирно, – ответил я.

– Ему ой как нужна защита, он тут стольким насолил, столько набросал камешков в разные огороды, что того и гляди пришибут, – закартавил Антон.

– Защита нужна любому человеку, а где ее найти, если милиция бессильна? – посмотрел на меня Пашка.

– Конечно же у вас, а это значит, давайте все дружно вступим в доблестные ряды российской партии справедливости, ура, – насмешливо пропел Антон.

– Не паясничай, я дело говорю, – одернул его Пашка.

– Так и я ж дело ботаю, – ухмыльнулся Антон и, взяв новую бутылку водки, стал разливать ее по фужерам. – Вот сейчас еще по маленькой примем на грудь, и в твоей партии станет на два члена больше. Сеньке с его штык-пером давно пора из нашего захолустья перебраться на российские просторы.

– Антон прав, – усмехнулся Пашка. – Для начала я предлагаю вам обоим поучаствовать в нашей встрече с вашим кандидатом в мэры, которая состоится ровно через сорок минут. Ну как, согласны?

- Согласны, еще как согласны! – отхлебывая водку из фужера, радостно возвестил Антон.
- Тогда так, неспешно допиваем и в путь, – сказал Пашка и достал толстую пачку денег.
- Не хило живешь, – скривился я. – Это все на партийные взносы или?..
- Мы на самоокупаемости, наше движение не может быть обузой для партии, – важно

изрек Пашка.

– Понятно, трясете олигархов по полной программе, о людях печетесь, но и себя не забываете, так?

– А почему бы и нет? – вальяжно махнув рукой, улыбнулся Пашка.

Осенний день клонился к закату, когда мы выбрались из ресторанчика, загрузились в два черных бумера с московскими номерами и тронулись на разборку с олигархом-кровопивцем. Уже в сумерках мы подъехали к какому-то кирпичному зданию, одиноко стоявшему на пустыре, и выбравшись из машин вместе с Пашкиными подручными, спустились в подвал. За металлической дверью располагалось полутемное, довольно обширное помещение, посреди которого стоял длинный стол с тремя стульями. В стороне, отдельно, на невысоком помосте, под ярким металлическим абажуром возвышалось деревянное кресло с подлокотниками, к которым были прикручены мощные железные браслеты. Когда мы вошли, от противоположной стены подвала отделились три человека в черных мантиях и сели за стол. Вслед за ними из полумрака показались два мощных парня, которые волокли нечто похожее на огромную тряпичную куклу, одетую в серый шелковый костюм и дорогой фирменный галстук от «Гуччи».

Присмотревшись, я увидел мясистое, мертвенно-бледное, в красных пятнах лицо и огромные, готовые выскочить из орбит глаза вконец затравленного Вас... Дюжие молодцы подволокли и усадили в кресло это охваченное животным ужасом, несчастное существо и приковали его руки к подлокотникам. Трое в мантиях склонились над бумагами и, полистав их, начали по всей форме, как в настоящем суде, допрос.

Охваченный неясным предчувствием беды, я практически не слышал, о чем именно идет речь, но из отдельных вопросов и ответов понял, что судьи заставляют несчастного признаться в своих махинациях, которые привели к его незаконному обогащению за счет разорившихся владельцев акций местного завода. Вас... на все вопросы упорно молчал, лишь время от времени отрицательно качал головой и только на вопрос о своем участии в предвыборной кампании ответил утвердительно.

Вдруг один из судей поднялся и, с остервенением стукнув по столу, рявкнул:

– Признание вора нам не требуется, у нас достаточно доказательств твоей вины, мразь. Сейчас ты подпишешь несколько бумаг о передаче незаконно нажитой недвижимости в пользу клинского детского дома и выплате денежной компенсации ограбленным рабочим, понятно?

– Не подпишу, это незаконно, – прохрипел Вас... и для убедительности покачал головой.

– Не, вы слышали? Он не подпишет! – взревел все тот же судья. – Подпишешь, еще как подпишешь. Эй, ребята, внушите-ка ему уважение к решению суда.

Дюжие молодцы снова выступили из тени и, подойдя к несчастному, вцепились в его руки. В следующее мгновение пальцы жертвы были вытянуты вдоль подлокотников, и под маникюренные ногти вонзились тонкие швейные иглы. Раздавшийся крик был даже не криком, а душераздирающим стоном раненого животного.

Не знаю, от этого стога или от духоты и выпитой водки, но меня вдруг затошнило, густая вонючая жижа наполнила мой рот, и содержимое желудка полилось на каменный пол. Скрючившись вдвое, я выскочил на улицу и, припав к стене, жадно глотнул чистый осенний воздух. «А может быть, так и надо очищать наш быт от казнокрадов и воров? Отрубают же китайцы головы своим мздоимцам», – подумал я и, оторвавшись от стены, посмотрел в сторону ярких огней города. В то же мгновение меня ослепил яркий луч света, и чьи-то сильные руки бросили мое тело на землю. Из темноты появились неясные тени и, отворив двери подвала, метнулись вниз.

Через час мы всей дружной компанией сидели в железной клетке местного СИЗО и ждали своей участи. Как оказалось, у кандидата была тревожная кнопка, и он успел воспользоваться ею. Отряд омонцовцев окружил здание и без лишнего шума и пыли захватил всех участников судилища. Вскоре меня вывели из клетки и, поместив в отдельную камеру, предложили подписать покаянное письмо, в котором я отрекался от всего ранее написанного и опубликованного в газете. Недолго думая, я тут же подмахнул отпечатанный листок и через несколько минут был выпущен на свободу. Проходя мимо дежурного по горотделу, я увидел в его камерке улыбающегося Пашку и ополовиненную бутылку водки с обильной закуской на столе.

После тесной и сырой одиночки теплая августовская ночь была тиха и прекрасна, в этом безмолвии я медленно шел по Ямской и размышлял о том, что, в отличие от Пашки, героя из меня не получилось, и о том, что каждый из живущих на земле имеет право на собственное мнение, если оно подкреплено третьей силой, способной защитить тебя в трудную минуту. У меня такой силы не было, а значит, надо жить так, как подсказывают обстоятельства.

Глава 2

Осенним утром, стоя у открытого окна и вглядываясь в желтую даль, я размышлял о событиях последнего месяца: весь сентябрь, пытаясь помешать своими газетными статьями переизбранию мэра нашего городка, я наживал себе все новых и новых врагов. А чтобы умерить мою прыть, жулье от власти науськали дюжих молодцов, и те долго и больно били по моей морде! Но, как говорили древние греки, что написано пером, то не выбьешь сапогом. Статьи были хлесткие, материал достоверный, но народ меня не услышал, и я проиграл. Сейчас, после выборов, я чувствовал себя провалившимся иностранным агентом перед арестом, и единственное, что утешало меня, – правдивость всех публикаций, а не досужие выдумки мелкого неудачника.

Паршивое настроение усилил ночной звонок Дмитрия Ивановича Чернова, моего дяди, его паническое сообщение о том, что какие-то аферисты хотят захватить мясоперерабатывающий завод, исполнительным директором которого он был. Дядя просил найти подходящих ребят и защитить завод от захвата. Отказать ему в просьбе я не мог уже потому, что получал от него финансовую помощь, позволяющую мне быть независимым сотрудником небольшой, но едкой газеты.

Немного успокоившись, я тут же подумал о Павле Чижове, лидере боевой молодежной организации, и его ребятах, способных решать своими силами и методами многие проблемы, и хотя эти методы часто стояли за гранью уголовного права, но были порождением общего состояния нашего российского общества, а значит, вполне законны. Я позвонил Антону Кутилкину, своему школьному товарищу, попросил его найти Павла и срочно приехать ко мне. Энтузиазм, с которым Антон откликнулся на мою просьбу, удивил меня и навел на мысль, что он явно ждал звонка, так как, ни о чем не спрашивая, сразу заявил: они с Павлом будут у меня через пятнадцать минут.

И действительно, вскоре они ввалились в мою малогабаритную квартирку – Антон, большой и сильный, с головой, похожей на спелую тыкву, и Павел, стройный, по-военному подтянутый, в своем неизменном хаки с орденскими планками на груди – сразу видно, бывший боевой офицер.

– Ну и где же очередная жертва дикого капитализма? – уставился на меня Антон.

– Сейчас будет, а вы что же, уже все знаете? – удивился я.

– А то! Мы, поди, не на луне живем, в нашем городишке на одном конце пёрнули – на другом услышали и подумали, что замочили очередного богатого лоха, – хохотнул Павел.

Не успел я приготовить кофе для своих друзей, как появился Дмитрий Иванович – весь взъерошенный, с отчаянной решимостью во взгляде маленьких серых глаз и трясущимися, точно после тяжелого похмелья, руками.

– Привет честной компании! Вижу, все в сборе. А ты че уставился, ядрена вошь, родного дядю не узнаешь? – оговорил он меня.

Дмитрий Иванович прошелся по комнате и, упав в кресло, запричитал:

– День только начинается, а я уже устал, всю ночь мотался, собирал людей, искал защиты у нашей родной милиции, но ей на нас плевать, говорят, разбирайтесь сами. Во как жизнь поворачивается: когда-то я боялся только свою родную советскую власть, а теперь всякая сволочь, любой аферист может напасть, ограбить, убить, и никто палец о палец не ударит, чтобы защитить меня, одна надежда на вас, родненькие вы мои! Завод, которому я отдал все свои силы и здоровье, хотят прибрать к своим поганым рукам какие-то кавказские ханурики, а он-то наш – мы имеем 90% акций. Здесь же я, потому что нам нужна ваша реальная помощь: пишите, звоните, зовите своих друзей, бейте морды, делайте что хотите, но помогайте, ядрена вошь.

– Дмитрий Иванович, ты че, в натуре? – пожевав губами, прохрипел Антон. – По-твоему, можно взять и присвоить себе чужую собственность? Да мы как возьмемся за них, да мы размажем этих уродов, смешаем с дерьмом. Наш город не кормушка для инородцев, мы не французы, своей терпимостью создавшие себе пылающую проблему...

– Дядя Дима, объясни толком, что происходит? – оборвал я Антона.

– Извини, племяш, я так возбужден, никак не могу прийти в себя, – хлопнул себя по лбу Дмитрий Иванович. – Сейчас расскажу все по порядку. Первое – уже месяц вокруг завода крутятся какие-то подозрительные кавказцы, пытаются скупать у наших бабенок акции, говорят, мол, скоро завод передадут в госсобственность, так что пока не поздно, продавайте свои бумажки. Второе – вчера вечером мы узнали, что с заводского счета исчезли 70 миллионов наших кровных рубликов, а вором оказался Воротников Петр Ильич, наш коммерческий директор. Каково, а?

Слушая дядю, я вспомнил Воротникова, маленького плюгавенького человечка, похожего на участника Куликовской битвы, который верно и преданно служил на заводе чуть ли не с его основания, не покинул его в те времена, когда завод был в долгах как в шелках, а зарплату не выплачивали по полгода и более. «Такой человек не мог просто так взять и украсть чужие деньги, тут что-то не так», – подумал я.

– Но и это еще не все, ядрена вошь, – продолжал дядя. – Некто Петров, из сибирской глуши, подал на завод иск о неуплате ему, как владельцу трех акций, дивидендов за последние четыре года. Его адвокат тут же предъявляет справку за подписью Воротникова о нашей неплательтежеспособности в Бесовский суд, городка Бесово и он, этот суд, выносит решение о передаче завода во внешнее управление.

– Да-а-а... – протянул Павел. – Такие дела в одиночку не делаются, за этим стоят опытные волки, почуявшие жирную добычу. Уверен, не может какой-то жалкий владелец трех акций раскрутить дело, он же понимает, что просто так это не сойдет ему с рук, значит, кто-то сильный и наглый толкнул его на эту аферу. Этот кто-то нанял адвоката, подкупил судью и, прикрываясь решением суда, попытается штыковой атакой выбить вас с завода.

– Точно, уже сегодня, как мне известно, на завод придут судебный пристав и внешний управляющий, – закивал Дмитрий Иванович. – Но мы из рабочих создали комитет спасения, и от его имени я обращаюсь к вам – помогите отстоять нашу собственность. А чтобы ваша помощь была законной, мы решили передать управление заводом в ваши руки. Сейчас половина восьмого, ровно через час состоится собрание акционеров, и они проголосуют за ваше назначение на руководящие посты нашего АО. Мы считаем, что тогда во всем этом деле появятся новые обстоятельства, а значит, надо новое решение суда, ну в общем, новое не новое, а хорошая зацепка не пускать на завод никого постороннего и не выполнять решения Бесовского суда до его пересмотра в арбитражном суде.

– Спасибо за доверие, Дмитрий Иванович. Как я понимаю, вы решили нашими руками начать маленькую оборонительную войну, – улыбнулся Павел, – но всякая война требует денег, а потому мы предлагаем следующее: наша молодежная организация берет на себя защиту вас, вернуть украденные деньги, а вы берете на себя все расходы по проведению боевых операций и выплачиваете 50% от возвращенных сумм. Согласны?

– Куда мне деваться, согласен на лимон, ядрена вошь, – сокрушенно и как-то безрадостно закивал Дмитрий Иванович.

«Так вот почему они с таким рвением прикатили ко мне, – подумал я. – Все знали и уже приготовились помогать. Впрочем, почему бы и нет, почему кто-то должен работать за спасибо живешь. Как говорили древние греки, спасибо в стакан не нальешь».

– Паша прав, дело это хлопотное, много бабла на кону стоит, – почесывая свою тыквообразную голову, глубокомысленно изрек Антон. – Ваши должности нам по барабану, мы как-

нибудь обойдемся без них, а вот Семена надо пристроить, ну так, для проформы. Назначьте его своим доверенным лицом, что ли...

– Думаю, надо сделать так: Дмитрий Иванович срочно закрывает завод, всех женщин отправляет в отпуск, оформляет нужные бумаги о нашем сотрудничестве, а мы с тобой, Антон, занимаемся решением первоочередной задачи – организацией обороны завода, – заявил Павел и тут же принялся названивать своим ребятам.

Ровно в 8 утра мы были на заводе. Заглянув в один из цехов, я с удивлением увидел, что, несмотря на напряженную обстановку, люди делают свое дело, и только в заводоуправлении царили переполох и смятение – все со страхом ждали развития событий. Дмитрий Иванович на правах хозяина провел нас с Павлом и Антоном в кабинет гендиректора.

– А где же генерал? – спросил я.

– В Германии, ведет переговоры о закупке нового оборудования, – махнул рукой Дмитрий Иванович. – Все, ребята, командуйте, а если кто зафордыбачит, едрена вошь, гоните в шею, я же иду закрывать цеха.

– Сеня, Антон, смотрите, – позвал Павел.

Мы выглянули на улицу: там у автобуса толпилось человек тридцать московских омоновцев.

– Картина Репина «Приплыли», – пробасил Антон, – клин им в жопу, а не завод. Смотри сюда, – ткнул он меня в бок, тыча пальцем в сторону двух десятков мускулистых парней. – Пашкина гвардия, но это еще не все, на заводе собралось около тридцати парней с бейсбольными битами, так что московским уродам придется туго.

Присмотревшись, я увидел, что между этими двумя группировками прохаживались милицейский майор и два бритоголовых качка, а чуть в стороне с безучастным видом стояли молодой человек лет тридцати в строгом темно-сером костюме и мужчина лет сорока плотного телосложения, смуглолицый, с черными глазами навыкат и толстым крючковатым носом.

«Судебный пристав и новый хозяин», – понял я.

– Входы и выходы на завод перекрыты моими ребятами. Вам, Дмитрий Иванович, надо все ценные бумаги упаковать и надежно спрятать, ну так, на всякий пожарный, – заявил Павел.

– Бумаги спрятаны, – улыбнулся Дмитрий Иванович и добавил: – Рабочие решили биться до последнего, а потому они еще с вечера упаковали всю заводскую документацию. Тем не менее, как бы нам всем, ядрена вошь, под напором судебной машины не пропасть.

– Не тот пропал, кто в беду попал, а тот пропал, кто духом пал, – глядя в глаза моему дяде, заявил Павел.

– Павел, – позвал я его, – что ты думаешь обо всем этом беспределе?

– Думаю, что за всем этим стоит какая-то бандитская группировка, а на заводе работает осведомитель. Решение суда и кражу денег надо объединить в одно дело. Уверен, бандюки подкупили судью, запугали коммерческого директора и хотят прибрать к рукам завод, но как бы законным путем. Думаю, дальше будет еще хуже, уже сегодня-завтра на завод наедут налоговики, пожарники и прочие, – ответил Павел. – Кстати, Дмитрий Иванович, вы что-нибудь должны в бюджет?

– У нас текущая задолженность по налогам на сегодняшний день составляет около двадцати миллионов рублей, – ответил мой дядя.

– Прекрасный повод для вашего разгрома, – заметил Павел.

– Но что же делать? Деньги от потребителей поступят только через неделю-две! – с панической ноткой в голосе воскликнул Дмитрий Иванович.

– Драться, драться и еще раз драться! Чую, веселенькое дельце назревает, – хохотнул Павел и снова начал куда-то названивать по мобильнику.

– Семен, можно тебя на минутку, – позвал меня Дмитрий Иванович.

Мы вышли из кабинета, и я взглянул на дядю. Он выглядел несколько растерянно и даже как-то виновато.

– Понимаешь, давно хотел тебя спросить, да все не получалось; я дал слово на лимон, а деньги-то, ядрена вошь, не мои, а потому скажи-ка мне, племянник, что это за организация такая, способная защитить нас, и не блеф ли это? Сам понимаешь, одно дело – слухи об их делах, другое – защита завода, а это не изгнание инородцев с местных рынков.

– Дядя Дима, не темни, прежде чем позвонить мне, ты навел кое-какие справки о ребятах, попросил кого-то проинформировать их о заводских делах, а уже потом втянул меня в это дело.

– Да, наводил, а что прикажешь делать, но ты знаешь больше моего, имеешь свое мнение, и я хочу его знать, – махнул рукой дядя.

– Скажу только то, что знаю: Павел – бывший боевой офицер спецназа ГРУ, уволен в запас по ранению, сейчас возглавляет молодежное крыло партии справедливости и порядка, ее главная задача – защита интересов русского народа от инородцев. У него большие связи в Москве и регионах, где действуют местные отделения этой организации. Скажу даже больше, мне кажется, что у них есть специальные люди для подобной работы, попал тут я с ним в одну переделку... Чуть не замочили одного жулика...

– Бывшего директора завода, того, что ограбил своих рабочих? Это же очень хорошо, как раз то, что нам нужно. Кстати, весь город только об этом и говорит, поделом, говорят, хапуге, Бог шельму метит, – улыбнулся Дмитрий Иванович.

– Дядя Дима, я уверен, если Павел берется за это дело, все будет тип-топ.

– Скажи, Сеня, а за что это у него ордена?

– За спецоперации в Чечне и Сербии. Теперь удовлетворен? – глядя, как дядя чешет свой затылок, улыбнулся я.

– Плохим людям награды не дают, – улыбнулся он в ответ.

Когда мы вернулись, Антон, развалившись в кресле, курил сигарету, а Павел все еще говорил по мобильнику.

– Семен, мы с тобой летим на Кипр, проблема с визами решена, – хлопнул меня по плечу Павел.

– Зачем? – удивился я.

– Затем, что наш вор, как сообщили мне мои московские друзья, вчера утром вылетел на Кипр, сидит там, думает, что спрятался, – улыбнулся Павел. – Только от нас не уйдешь, если надо, мы самого черта из преисподней достанем. Антон остается здесь для охраны завода и решения тактических задач местного значения. Все, заказывай билеты на ближайший рейс до Никосии.

Ко мне тут же подошел Дмитрий Иванович и, отведя меня к окну, зашептал:

– Я знаю Воротникова двадцать лет, начинал он простым бухгалтером, за все годы ни одного замечания, и потому уверен – только какие-то чрезвычайные обстоятельства, ядрена вошь, заставили его так поступить. К слову, у него никого, кроме матери, нет – ни жены, ни детей, потому воровать просто нет резона. Поэтому, прошу тебя, будь с ним поласковой, убеди его вернуться домой, а мы тут все уладим.

– Дмитрий Иванович, чем черт не шутит, а не может ваш Воротников быть в сговоре с бандюками? – спросил Павел.

– Не думаю, впрочем, в тихом омуте... Нет, навряд ли. Да, вот вам десять тысяч евро на расходы, – протягивая пачку денег, улыбнулся Дмитрий Иванович.

Тем временем Павел подошел к раскрытому окну кабинета и, немного постояв, позвал нас к себе. У автобуса по-прежнему толпились бойцы омона. Вдруг в милицейском узике заверещала рация, и майор, выслушав кого-то, дал команду грузиться в машину.

– Мы спасены, спасибо, огромное спасибо, Паша, – потрясая ему руку, радовался мой дядя.

– Это не все, в Никосии нас встретит капитан местной полиции Николас Папандреу, кстати, родственник бывшего премьера, – улыбнулся Павел, – поможет найти вора, а дальше, как говорится, по обстоятельствам.

На другой день рано утром мы с Павлом были в аэропорту Шереметьево, и вскоре наш самолет взял курс на Кипр. Наше прибытие в славный город Никосию прошло тихо и незаметно: у трапа самолета не толпились журналисты, не вспыхивали блицы и не гремел военный оркестр. Вместо всего этого, спустившись с трапа на кипрскую землю, я тут же увидел крупного седовласого полицейского капитана, державшего в руках маленький плакатик с нашими фамилиями. Это был типичный сорокалетний грек с мясистым носом, крупной головой на крепкой шее, в мятом мундире и с выпирающим брюшком. «Староват для капитана», – подумал я.

– Как вы догадались, я капитан Николас Папандреу, или просто Николас, – на чистейшем русском языке представился он, – мне позвонили мои московские коллеги, просили помочь в поисках вашего московского друга.

– Простите, капитан, мое любопытство, – спросил Павел, – но откуда вы так прекрасно знаете русский язык?

– У меня жена русская, – ответил Николас, – а еще я учился в Московской школе милиции, – улыбнувшись, он провел ладонью по груди. – Россия вот где у меня. Пока вы летели, мы навели справки о вашем приятеле. Сегодня он в девять утра выехал из отеля «Паллада». По словам портъе, за ним приехали два молодых парня, один русский, другой грек, и увезли его на красном «ягуаре». Пока это все.

– Я думаю, нашего друга перевезли в более надежное место, – заметил Павел.

– Вполне возможно, – согласился Николас, – но поскольку это дело носит частный характер, я привлек к нему своего друга. Он русский, бывший полковник КГБ.

«Вот они, непредвиденные расходы», – вспоминая дядин конверт с деньгами, подумал я.

– Десять лет назад, – продолжал Николас, – он приехал сюда на отдых, да так и остался. Вскоре открыл частное детективное агентство специально для иностранцев. Уже через год он работал по всей Европе, основная его клиентура – богатые бездельники и обманутые компаньоны. Берет он дороговато, но зато работает качественно и без промахов. А вот и он, детектив Аркадиус.

– Аркадий Ильич, – представился только что подошедший крупный мужчина лет шестидесяти, со сканирующим взглядом карих глаз и широким славянским лицом, сохранивший военную выправку и высокомерие бывшего крупного чиновника.

«Типичный московский мент в чинах: аккуратен, воспитан, деловит, и земные блага ему не чужды», – пожимая сухую и твердую ладонь Аркадиуса, подумал я.

– Ваши подопечные сидят в небольшом домике на окраине города и явно кого-то ждут, – без предисловий сказал Аркадиус.

– Вы отыскали их так быстро? – удивился я.

– Никосия не Москва, здесь трудно спрятаться, достаточно фотографии – и человек ваш, – он порылся в бумажном пакете и, вытащив фото, протянул Павлу.

Я склонился к плечу моего друга: на одном из них был запечатлен белый домик и какой-то мужичок с собакой, на другом, в беседке, виднелись не совсем ясные фигуры трех мужчин в майках и соломенных шляпах.

– На снимках хозяин дома и его гости, – пояснил детектив, – мои ребята узнали, что в доме сняты две комнаты на три дня. Предлагаю проехать к дому и на месте определиться с нашими дальнейшими действиями.

– Сколько стоят ваши услуги? – в упор спросил я.

– Все, включая розыск, захват и депортацию определенного лица, пять тысяч евро.

«Не хило», – подумал я.

– Если согласны, тогда вперед, труба зовет, – предложил Аркадиус.

- Захват мы сделаем сами, – небрежно бросил Павел.
- У вас есть люди и оружие? – удивился детектив.
- Конечно, все свое возим с собой, – улыбнулся Павел.

Попетляв с полчаса на авто детектива, мы в сопровождении какой-то подозрительной «тойоты» оказались на окраине города, среди белых, крытых черепицей домиков и виноградных садов. Аркадиус остановил машину и, указав на дом, спросил:

– Будем ждать ваших людей?

– Зачем ждать, будем штурмовать немедленно, – заявил Павел и что-то пробормотал в мобильник.

У ворот дома тут же появилось несколько парней в масках, которые, распахнув ворота, помчались к беседке. Раздался хлопок, затем визг собаки, и все стихло. От всего увиденного у меня отвисла челюсть.

– Это что же, – обратился я к Павлу, – они прилетели вместе с нами?

– Ну ты, Сеня, даешь, зачем летать, когда можно встречать? – улыбнулся Павел.

Тем временем один из парней, распахнув окно, помахал нам рукой, и мы двинулись к дому. На дорожке хозяин, дико озираясь, оглаживал лежащую у его ног собаку и тихо скулил. Аркадиус подошел к греку, что-то сказал, похлопал по плечу, отчего тот вдруг заулыбался и стал пожимать руку детективу.

– Я дал ему за беспокойство сто евро, – сказал детектив.

– Принимайте товар, – выдвинулся один из парней.

– Этих двоих выведи в другую комнату, – указав на молодых парней, велел Павел.

Воротникова я узнал сразу и, глядя на его жалкую фигуру в сером изжеванном гуздюмчике, никак не мог представить его в роли вора – это была изрядно потрепанная, испуганная серая мышка, которая явно не походила на вороватую крысу. Хранитель финансовых тайн мясоперерабатывающего завода оказался низкорослым, сухоньким пятидесятилетним мужичком с мелкими чертами востренького лица, сухими, ломкими седеющими волосами и бесцветными глазами.

«Такой без нажима, без смертельного испуга украсть не может», – подумал я.

– Я вас узнал, вы племянник Дмитрия Ивановича? – оглянувшись и глядя мне в глаза, дрожащим голосом спросил Воротников. – Передайте своему дяде, что я не вор, и если можете, помогите мне.

– Наша помощь зависит только от вас, – ответил я. – Сначала расскажите все по порядку, там посмотрим, что можно сделать, как вам помочь. Итак, денег вы не воровали, почему же они оказались в местном банке? Почему, наконец, вы бежали?

Воробьев тяжело вздохнул, огляделся и заговорил:

– Началось все это две недели назад. Однажды вечером, когда я вернулся домой, ко мне в квартиру ворвались трое молодчиков и, сунув, понимаете, мне под нос пистолет, потребовали перечислить два миллиона евро на Кипр. От испуга меня, понимаете, била мелкая дрожь, мысли путались, я не мог ничего сказать, тогда они схватили мою восьмидесятилетнюю мать, выкинули ее из кровати и бросили к моим ногам. Главный из них, здоровенный детина, сказал: «На все про все даем тебе три дня, если деньги не будут переведены на Кипр, мы пристрелим сначала твою мать, а потом тебя». Затем, снова покрутив у меня под носом своим пистолетом, добавил: «Ты, плесень, должен сделать все это добровольно, на свое имя, понял? Когда переведешь деньги, возьмешь билет на самолет и улетишь на Кипр, где купишь большой участок земли с виллой и бассейном». Тут верзила замолчал и переключил телевизор на другой канал, где в это время, понимаете, шла передача об убийстве какого-то крупного банкира в его собственной квартире, которая, по словам журналиста, тщательно охранялась. Скажите, что в этой ситуации мне было делать? Храбростью я, понимаете, не отличаюсь, да и вряд ли она мне помогла бы, а потом подвергать свою мать смертельной опасности было выше моих сил. Вы же

знаете, на милицию надежды нет, они только разводят руками, когда их подопечным вгоняют в лоб снайперскую пулю. Я согласился и перевел, понимаете, деньги в частный банк Никосии.

– Деньги можно вернуть, так? – спросил я.

– В принципе да, надо просто их отозвать, вот реквизиты банка, – Воротников суетливо порылся в карманах и извлек мятую бумажку. – Извините, записную книжку они отобрали, но я все переписал по памяти.

Он продиктовал мне номер счета и продолжил свой рассказ:

– На другой день ко мне в кабинет явился симпатичный молодой человек и попросил подписать справку о том, что завод из-за финансовых проблем не может выплачивать дивиденды своим акционерам. Этот молодой человек был из тех, что сопровождали верзилу, и я, осознавая свою подлость, безропотно подписал. Теперь я здесь под охраной жду приезда главаря банды и решения моей судьбы.

– Вы, надеюсь, осознаете, что вы живы до завершения всей этой аферы? Как только вы купите виллу, от вас потребуют ее перевода на подставное лицо, а вас ликвидируют, – сказал Павел. – Думаю, – продолжал он, – деньги и вас, Воротников, еще можно спасти, но для этого надо захватить главаря или того, кому поручено провести это дело. Сейчас я детально поговорю с нашим молодым соотечественником, а для ускорения процесса дознания вволю ему сыворотку правды.

Мне же от всей этой дребедени стало так тошно, что хотелось завывать волком и тяпнуть Павла за бок. Я прошел на кухню и открыл холодильник. Там, как у всякого уважающего себя грека, лежало несколько бутылок красного вина. Засосав одним махом пузырь, я почувствовал значительное облегчение в желудке и душевное удовлетворение от проделанной работы: главные виновники всех наших тревог и волнений у нас в руках, а дальше дело техники. В эту минуту мне казалось, все просто – деньги не пропали, они скоро вернуться в Москву, вора и бандюков взяли, допросим, потом найдем заказчиков и передадим их в руки нашего славного правосудия. Все хорошо и прекрасно, вперед и с песней, к дальнейшему процветанию.

Когда я вернулся в комнату, допрос уже закончился, молодой русский бычок лежал на диване и сладко спал, грек сидел на полу и тихонько всхлипывал.

– Узнал несколько имен и адресов, не густо, но и на том спасибо, – сказал Павел. – Впрочем, что может знать мелкий халдей, исполняющий разовые поручения? Доберемся до остальных, там урожай наверняка будет богаче.

– Что дальше? – спросил я.

– Я заплачу хозяину за постой и буду держать здесь этих мудаков до приезда главаря, или как его там... А ты с Воротниковым улетаешь в Москву, – заявил Павел.

Я молча протянул ему деньги и, пожав руку, пошел к калитке. Следом, то и дело оглядываясь, понуро брел Воротников. Мы сели в машину и уже собрались ехать в аэропорт, но тут позвонил Николас.

– Нельзя вам прямо в Москву, – заявил он. – За вами установлена слежка, думаю, они попытаются не выпустить вас с острова.

Я очумело таращил глаза и думал о том, что так прекрасно начатая поездка превращается в детектив с захватом, погоней и, возможно, стрельбой.

– Что же ты предлагаешь? – спросил я его.

– На автомобиле моего друга переехать на турецкую часть острова, там сесть на паром и отправиться в Турцию или Израиль, а уже оттуда в Россию.

– Мы отправимся из местного аэропорта самолетом до Тель-Авива, а там как Бог на душу положит, – ответил я ему.

Через три часа мы без всяких приключений приземлились в аэропорту Бен-Гуриона. Я тут же позвонил Антону, и он велел лететь нам в Питер.

«В Питер так в Питер!» – подумал я.

До вылета оставалось полтора часа, самое время промочить горло хорошим напитком. В ресторане мы уселись за свободный столик, и я на иврите заказал бутылку водки «Смирнофф». Сидевшие вокруг благочестивые евреи смотрели на нас и осуждающе качали головой, но мне было абсолютно наплевать на их реакцию.

Прилично выпив, Воротников неожиданно замурлыкал: «Евреи, евреи, кругом одни евреи...», и посмотрев на меня, спросил:

– Вы, Семен, случайно не еврей?

– Не еврей, – буркнул я.

– Тогда откуда вы знаете иврит?

– От верблюда, – отмахнулся я. Водка еще не рассосалась, и мне не хотелось говорить.

– А все-таки? Нечасто встретишь человека, даже среди российских евреев, знающего иврит.

– Ну чего привязался? – уставился я на него. – Сосед у меня был, старый еврей, вот он и научил меня азам иврита, понял? Этот еврей родился, женился, растил детей в России, а умирать укатил в Израиль. «Зов крови», – сказал он мне на прощание. Понял ты, воровская твоя душа, зов крови! Теперь, как недавно сообщили мне знакомые евреи, где-то в каменистой Иудейской пустыне у священной скалы покоится прах раба божьего Исаака, далекого потомка Неффалима.

– Кто такой Неффалим? – вытаращился на меня Воротников.

– Один из начальников колен израилевых, – отмахнулся я. – Как говорил старый еврей, мой сосед: «Потомок Неффалима и должен умереть в пустыне Иудейской».

– Хорошо быть евреем, у них нет родины, нет привязанности, куда хочешь, туда и едешь, – мечтательно протянул Воротников.

– А Израиль? – наливая по третьей, спросил я.

– Израиль для еврея символ, мечта, но не более.

– Воротников, перестаньте философствовать, – одернул я его и, опрокинув очередную стопку водки, потерял сознание.

Очнувшись от легонького похлопывания по щеке, я сразу почувствовал неладное: Воротникова нигде не было. «Сбежал», – мелькнула мысль.

– Идиот, это надо же так опорфуниться, эта плесень провела меня, как последнего лоха, – направляясь к справочной, ругал я себя. – Если не откликнется на мое объявление, все, хана, сбежал и сейчас хохочет надо мной.

– Ваш вылет задерживается на один час, – сообщила красивая темноглазая еврейка и протянула мне белый конверт.

«У меня есть еще час», – облегченно подумал я и вскрыл конверт. Ровным канцелярским почерком там было написано: «Семен, не обижайтесь, неделю назад похоронив мать и став свободным, я должен был так поступить – меня ждал любимый человек».

– Как говорили древние греки, шерше ля фам, что означает «ищите женщину», – ухмыльнулся я и продолжил читать дальше.

«После бандитского наезда я перевел деньги на свое имя и улетел на Кипр, но отдавать их не собирался и только ждал момента, чтобы исчезнуть. Случай подвернулся – вы мне помогли, спасибо. Возвращаться домой и влачить никчемное существование я не хочу, а потому решил окончательно скрыться в пустыне Иудейской. Быть честным – это хорошо, быть несчастным – плохо, я же всю свою жизнь был на задворках жизни, считал чужие деньги и ждал момента, когда я встречу человека, ради которого стоит жить; наконец встретил и понял: без денег я ничто, пыль на сапогах хозяев жизни, а потому прости меня и не ищи, я песчинка, унесенная бурей».

В Пулковое Антон, увидев меня одного, сразу все понял и потащил к своему автомобилю.

– Ты, Сеня, не горюй, хрен с ней, с крысой. Главное, Пашка добыл информацию, где искать халывщиков, и сейчас проводит операцию по их ликвидации.

Мы подъезжали к Твери, когда с нами поравнялся мотоциклист и обстрелял нас из калаша. Собственно, это был даже не обстрел, а скорее пальба для остратки.

– Предупреждают, – безмятежно заметил Антон, – но они не знают, что ждет их впереди, – и кому-то сообщил по радиации приметы и номер мотоцикла. Километров через пять мы увидели разбитую вдребезги «ямаху» и двоих мертвых седоков под задними колесами грузовика. Автоматы валялись неподалеку от трупов.

– Как же вам все это удалось? – спросил я.

– Очень просто, эти придурки всегда носятся как угорелые, на этом мы их и подловили. В нужное мгновение КАМаз резко перестроился в другой ряд, тормознул, и все, приплыли. Как видишь, все чисто, мотоциклист превысил скорость и попал в аварию, которая стоила жизни ему и его седоку. Шофер отделается легким испугом и получит две тысячи.

Минут через тридцать мы подъехали к заводу, прошли в контору, я передал Дмитрию Ивановичу конверт от Воротникова. Он взял, повертел и небрежно сунул его в карман.

– Победа, дорогой племяш, победа, мы уделали их, мы уделали это зверье благодаря тебе и твоим ребятам.

Я с удивлением взглянул на него.

– Очень просто. Пашка-чародей все устроил в лучшем виде. Позвонил и сообщил о захвате еще одного члена бандитской группировки, которая будто бы контролирует весь северо-восток столичного региона. Возглавляет ее президент торгово-закупочной фирмы «Латекс» Джамал, вор в законе, кстати, ты его видел у нас, ну, тот носатый, что стоял с судебным приставом. По словам бандюка, это вполне уважаемый деловой человек, его фирма аккуратно платит федеральные налоги и ни в какие противоречия с законом не вступает. Двери фирмы «Латекс» всегда открыты. Однако есть и теневая сторона деятельности фирмы, которой руководит чечен по кличке Али-баба. Под его началом в постоянной боевой готовности находится около сорока разбойников, занимающихся охраной, выбиванием долгов и запугиванием руководителей других фирм, не желающих работать под контролем вышеозначенного «Латекса». Кроме боевиков, у фирмы имеется аналитическая группа, которая оценивает финансовое состояние будущей жертвы, затем в работу вступают специалисты по банкротству и смене хозяина. По уверениям бандюка, все делается исключительно на законных основаниях, а боевики нужны только для придания действиям Джамала и его людей определенного веса. Павел, между прочим, особо подчеркнул, что деньги через подставные лица шли чеченским боевикам и их заграничным сидельцам. В общем, вместо примитивного рэкета они освоили интеллектуальный бандитизм, подкрепленный наглой силой и разбоем. Но это не все, – продолжал дядя Дима, – узнав имена и адреса, Павел тут же вылетел в Москву и устроил в логове бандитов Мамаево побоище, захватил обличающие документы и передал их ФСБ. Фирма ликвидирована, ура, ура, ура.

– Значит, все хэппи энд, что означает – все хорошо, что хорошо кончается. Бандиты разгромлены, парни честно отработали свой лимон баксов, все счастливы, – улыбнулся я своему дяде. – Но как же Воротников?

– Да черт с ним, со стражником, на него наехали, и он быстро смекнул что к чему: вступил в сговор с аферистами, передал им копии всех бухгалтерских документов, а теперь пусть бегаёт по европам и трясется за свою жалкую жизнь, главное, мы отстояли завод, а деньги – дело наживное, – засмеялся Дмитрий Иванович.

Глава 3

Летний день клонился к вечеру, когда, вернувшись домой, я обнаружил в почтовом ящике письмо от некоей Архиповой Анны Ивановны. Открыв письмо и бегло просмотрев его содержание, я буквально упал в кресло – от удивления у меня челюсть отвисла до колен. Удивляться было чему – оказывается, у меня есть бабушка, о которой я слыхом не слыхивал и видеть не видывал. Письмо, написанное четким, почти каллиграфическим почерком, по своему содержанию не могло быть подделкой. В нем сообщалось, что много лет назад моя бабушка была вынуждена прервать всякие отношения со своим сыном, то есть с моим отцом, но теперь настало время прощения и примирения. Но поскольку она больна, то просит меня, своего внука, приехать к ней в деревню Демьяновку, что в 8 км от Клинска.

В первое мгновение я хотел позвонить отцу и все выяснить, но поразмыслив, решил сначала увидеться с новоявленной бабушкой, а уже потом говорить со своими родителями. Бабушкина фраза – «была вынуждена прервать всякие отношения со своим сыном» – разожгла моё журналистское любопытство, и я решил во чтобы то ни стало проникнуть в нашу семейную тайну, много лет тщательно скрываемую от меня.

Немного успокоившись, я заварил себе кофе, налил приличную стопку коньяка и, удобно расположившись в кресле, предался построению различных гипотез. Первое, что мне пришло в голову, – предательство, но в чем – вот вопрос. Гипотеза показалась мне многообещающей, но не успел я как следует развить ее, заверещал мобильник, и голос моего нового шефа вернул меня к действительности. Шеф потребовал, чтобы я уже завтра был в Деграде и писал статью о состоянии городского хозяйства, строительстве нового и ремонте старого жилья, а также о настроениях его жителей. Он особо подчеркнул писать только то, что я увижу на городских улицах, и никаких прикрас. Задание было на удивление простым, и я уже заранее озаглавил свою ненаписанную статью «Серые будни провинциального городка».

Еще не было и семи утра, когда я сел в свою новенькую «ауди» четвертой модели, подарок от моего благодарного дяди Димы, и, слушая шум мощного движка, начал мысленно набрасывать план будущей статьи. Я мчался по пустынному шоссе на свое первое редакционное задание в новой газете и благодарил дядю за великолепный подарок. Правда, подарок этот достался мне не просто так, не за здорово живешь, а после того, как мы с моими друзьями, Антоном Кутилкиным и Павлом Чижовым, выручили Дмитрия Ивановича из большой беды – отстояли у московских аферистов его родной мясоперерабатывающий заводик и надрали холку банде черных риелторов. После такого щедрого подарка я был готов к новым подвигам в борьбе за честные капиталистические отношения в нашем городе, но никто ко мне больше не обращался, а моя оппозиционная газета после прошлогоднего поражения на выборах мэра и городской думы пришла в упадок. Я, как независимый журналист, остался не удел, но тут появился мой спаситель и предложил работу в его газете.

Оставив машину у вокзала, на платной стоянке, я пешком отправился осматривать город и знакомиться с его жителями. Первое впечатление было просто отвратительным: грязные, неубранные улицы, давно не штукатуренные, серые от многолетней пыли фасады домов, нестриженные кусты и редкие замусоренные газоны навевали грустные мысли о полном упадке городского хозяйства. Беседы с аборигенами окончательно придавили меня своей безысходностью – частые веерные отключения электроэнергии, месяцами не убираемый мусор, холод в квартирах зимой, хроническая безработица и пьянство, безрадостные будни городка. Создавалось впечатление не просто заброшенности, а планомерно проводимой политики местной администрации на вымирание местного населения. Окончательно меня добил механический завод, это кладбище надежд и мечтаний о счастливой и сытной жизни нескольких тысяч жертв новых рыночных отношений.

Выйдя из проходной завода, я еще издали увидел стоящие на тротуаре белые столики летнего кафе и, оглядев безлюдную улицу, направился к нему. Вдруг я услышал нарастающий гул, который сменился нестерпимо ярким светом, и я провалился в космическую бездну.

Первым, что я увидел, когда открыл глаза, было голубое бездонное небо и одинокое черное облако в центре небосвода. «Странно, – подумал я, – почему черное, да еще одинокое?» Раскаленное солнце нещадно жгло мое лицо и слепило глаза. Прошло несколько минут, сознание прояснилось, и я услышал оглушительный рев многотысячной толпы. В первое мгновение мне показалось, что нахожусь среди болельщиков на футбольном матче, но, приподняв голову, обнаружил, что лежу на песке в какой-то железной клетке.

Скосив глаза, я заметил несколько склоненных голов, с любопытством голодных волков рассматривающих мою физиономию. Все тело ныло, в голове стоял туман, но, собрав остаток сил, я приподнялся и сел. «Ничего себе перелетик», – подумал я. То, что я увидел, повергло меня в шоковое изумление: посреди огромной арены на вкопанных в землю столбах висели какие-то голые люди, а рядом, полыхая огнем, стояли большие круглые жаровни. Чуть дальше, по всему периметру арены, в исступлении ревела многотысячная толпа. Прошло несколько минут, на арене появились несколько полуголых мужчин, которые, подойдя к жаровням, выхватили щипцами раскаленные куски железа, направившись к своим жертвам и стали жечь их тела. Увидев это, толпа пришла в еще большее возбуждение, она стонала от наслаждения, повизгивала и оглашала все пространство арены победным ревом. Потом все стихло, жертвы сняли со столбов и унесли. Наступило временное затишье, которое тут же сменилось новыми радостными воплями – на арену вывели с десятков голых мужчин и женщин. Они, спотыкаясь, брели вдоль шеренги истязателей, которые бичами нещадно хлестали их изможденные тела. Увидев кровавые полосы на спинах несчастных, толпа одобрительно заревела и вдруг, как бы оцепенев, смолкла. На арену вприпрыжку неслись огромные гривастые львы. Покружив вокруг своих жертв, голодные львы бросились на них и стали терзать и вырывать куски мяса из их тел, что вызвало неопикуемый восторг толпы и новые взрывы радостных воплей. Наконец представление с дикими зверями окончилось, останки разорванных тел убрали с арены, и наступил небольшой перерыв. Толпа оживленно обсуждала происходящее, многие в предвкушении нового зрелища потирали руки. Через минуту на арену вышел тучный мужчина в красной мантии с жезлом в правой руке. За ним вели совсем молоденькую девушку, лет 17—19, с высоко поднятой головой и крепко сжатым маленьким ртом. Мужчина поднял жезл, и толпа мгновенно затихла. Он подошел к девушке и, обращаясь к ней, громко спросил:

– Женщина, назови себя, кто ты, откуда родом!

– Я христианка, – услышал я ее ответ и с изумлением отметил, что понимаю незнакомый мне язык.

– Ты, как христианка, убивала и поедала детей?

Заглушая ответ девушки, толпа возмущенно заревела, требуя, чтобы ее подвергли испытанию огнем и железом. Тут же к несчастной подскочил палач и раскаленными щипцами стал рвать ее плоть. Толпе показалось этого мало, и она потребовала выпустить львиц, но к безмерному удивлению толпы, звери подходили к девушке, обнюхивали и тут же ложились у ее ног.

Рев изумленной толпы постепенно стихал, и только отдельные выкрики разносились над раскаленной ареной.

– Кровосмесители, детоубийцы, – истошно вопил плешивый мужичок в сером суконном плаще. – Казнить всех христиан!

Толпа тут же остервенело подхватила этот призыв и начала скандировать: «Казнить, казнить, казнить».

Другая часть толпы, завопив: «громить, громить вертеп отступников», бросилась от арены в переулки, откуда вскоре раздались истошные крики: «Пожар! Горим! Помогите!»,

но эти призывы о помощи тут же тонули в ликующих воплях нападавших. От ужаса у меня волосы на голове встали дыбом, кожа покрылась пупырышками, а ладони – липким потом.

– Да, парень, ты в рубашке родился, – издалека, словно из подземелья, донесся до меня чей-то голос.

«Причем тут рубашка?» – подумал я и сквозь застилающую глаза темную пелену скорее почувствовал, чем увидел, склонившиеся надо мною чьи-то синюшные морды.

– Лихо они его шандарахнули, – услышал я голос испитого мужичка с водянистыми глазами свежемороженого окуня.

– Им че, сбили, да и смотались, – поддакнула синюшная морда, – им все дозволено, они тут хозяева, што хотят, то и воротят.

– Ты, Толян, погляди, не наш он, не видал я такого.

– Точно не нашенский, как пить дать из столичных, приедут, поглядят, а потом одних в баньку, других в морг, чтоб не шастали тут, не лезли не в свои дела. Правильно я говорю, Вован?

– Толян, может, скорую, а?

– Никакой скорой, – подал я голос, – так обойдемся, лучше помогите мне.

Я попытался приподнять свое многострадальное тело, но от адской боли в левом плече и ребрах снова лег на землю.

«Кажется, опять влип, не успел отдышаться от одних побоев, как тут же нарвался на другие», – тоскливо думал я.

Неожиданно, отодвинув мужичков в сторону, надо мной склонилась очень молодая и очень красивая девушка. От удивления и восхищения я, несмотря на боль, откровенно залюбовался ею. Ее широкоскулое лицо, обрамленное каштановыми, коротко стриженными волосами, светилось детской невинностью и порочной женственностью опытной самки. Изящная, сексапильная фигура с округлой попкой и великолепными бедрами дополняла общее впечатление нестерпимой греховности.

– Ты кто? Ты христианка, видел тебя на арене, ты жива... – после минутного замешательства прохрипел я.

– Я медсестра, в цирке никогда не выступала, – оглядев меня своими изумрудными глазами, заявила она.

– И как тебя зовут?

– Это имеет значение?

– Конечно, вдруг я отдам концы и не буду знать, кто меня проводил в последний путь, – попытался я шутить.

– Медсестра и все, этого достаточно, – она широко улыбнулась и стала ощупывать мне голову и грудь. – У тебя, возможно, сломаны два ребра, выбита ключица и, кажется, сотрясение мозга, немедленно надо в больницу.

– Никакой больницы, когда есть такая сестрица, – улыбнулся я. – Ты будешь меня лечить? Я заплачу, хорошо заплачу.

– Лечить – не знаю, а вот первую помощь окажу.

– Отлично, здесь недалеко, на вокзале, стоит моя машина, помоги мне добраться до нее.

– Какая машина, в таком состоянии ты не проедешь и двухсот метров! – воскликнула моя спасительница. – Давай ключи, я подгоню машину и отвезу тебя домой.

– Мне не домой, мне в Демьяновку.

– В Демьяновку? – удивилась девушка.

– Почему ты удивилась? Такой деревни здесь нет?

– Стоит Демьяновка, уже лет 300 стоит, а удивилась потому, что мне тоже туда надо.

– Я еду к бабушке, ты тоже?

– Нет, я там живу, а как звать твою бабушку?

– Архипова Анна Ивановна.
– Болеет наша бабушка Аня.
– И давно она болеет?
– Давно, пожалуй, скоро месяц будет, как захворала.
– И какая она, моя деревенская бабушка Аня?
– Твоя бабушка не какая-то там деревенская старушка, она наша знаменитость, не зная этого внуку просто непростительно.

– Что же тут непростительного, если я ее никогда не видел?
– Твоя бабушка – наш главный лекарь, и к ней лечиться едут за многие километры из других областей. Вот так, едут, когда врачи отказываются лечить, за дело берется она, и люди выздоравливают.

– Послушай, может быть, наконец, познакомимся? Меня зовут Семен, Семен Чернов, а тебя?

– Меня Лена Бесфамильная.

– Бесфамильная? Это что же, фамилия такая?

– Да, такая редкая фамилия, – улыбнулась Лена. – Ну так что, едем?

– Конечно едем, – откровенно любуюсь ею, улыбнулся я.

Пока Лена ходила за машиной, мужички с испитыми мордами с превеликой осторожностью подняли меня и поставили на ноги.

– Тебе бы сейчас чево-нибудь обезболивающего, – прохрипел мужичок с глазами свежемороженого окуня.

– Нет проблем, тащите меня в кафе, там и оздоровимся.

Опираясь на моих помощников, я добрался до столика и уже через несколько минут, опорожнив стакан водки, почувствовал, как во всем теле наступило долгожданное умиротворение.

«Бесфамильная – какая чудесная девушка, какие глаза, а улыбка, нет, это просто чудо, что я встретил ее не во сне, а наяву», – с легким пьяным умилением размышлял я.

– Пьете? Ну-ну, – поигрывая ключами, осуждающе покачала головой Лена. – И как же в таком виде ты собираешься ехать к бабушке Анне?

– А я ничего, я в порядке, готов хоть сейчас предстать перед Ее Величеством!

– Нет, так не пойдет, сначала приведу тебя в порядок, а уж потом к бабушке, – нахмурилась Лена. – Все, опирайся на меня и в машину.

– Как скажешь, – кивнул я Лене и осторожно уселся на заднее сидение своей «ауди». – Ребята, вот, возьмите еще столик, – протянул я деньги подошедшему Толяну.

– Ты, того, еже што, ищи меня на рынке, я видел этих отмороzków, помогу найти.

– Заметано, – кивнул я в ответ.

В следующее мгновение Лена нажала на газ, и мы тронулись в путь-дорогу, которая, как оказалось, принесла мне много неожиданностей, перевернувших всю мою жизнь. От выпитой водки меня тянуло в сон, и я в полудреме с трудом вглядывался в однообразные старые домишки, что мелькали за окнами нашего авто. Наконец мы остановились у одного из таких древних строений, и Лена повела меня в дом. Однако не успели мы сделать и десяти шагов, как в соседнем доме распахнулось окно, и какая-то бабенка, чуть не выпав в палисадник, истошно закричала:

– Ленка, неужто ты жениха отхватила? Парень, хоть и помятый, а ничего, видный. Как пить дать городской!

– Не жених это, а внук бабы Ани, так что закрой окно и помолчи, – резко оборвала соседку Лена.

– Какой такой внук? Ты что, белены объелась? Нет у нее никого на всем белом свете! А ты привела внука, который объелся лука!

– Успокойся, Дарья, отведу его к бабушке, а она пусть решает, внук он ей или нет, – махнула рукой Лена и ввела меня в дом.

– Все, с божьей помощью добрались, а теперь ложись, будем лечиться, – указала на диван Лена.

Пока Лена готовила какие-то мази, я лежал и думал о превратностях судьбы.

Кому понадобилось сбивать меня, кому и чем я мог насолить в этом Богом и людьми забытом городишке? Неужели только потому, что кому-то показалось опасным мое любопытство, мои нескромные вопросы жителям, а главное, их ответы и жалобы на местную власть, которая, по их мнению, ничего, кроме собственного кармана, не замечает и беззащитно разворовывает казенные деньги? Но как они, городские князья, быстро сообразили, что к чему, и тут же приняли меры по отношению к чужаку. Видимо, у них настолько все схвачено, что им абсолютно наплевать на последствия. Одно утешало – меня не хотели убивать, а только дали понять, что излишнее любопытство в их городе не поощряется и может быть даже опасным.

Наконец Лена отыскала какие-то лекарства, разложила их на столе и склонилась надо мной. По ее просьбе я снял рубашку, и она стала осторожно втирать мазь в мое истерзанное тело.

– А ведь тебя, Семен, могли и убить, – вдруг сказала она.

– Почему ты так думаешь?

– У нас не любят любопытных газетчиков.

– Интересно, откуда ты вдруг знаешь, что я журналист? Прости, бывший, недавно я покончил с этим неблагодарным занятием.

– От подруги, она работает в ЖЭЖе, ты там был и задавал много вопросов, и она решила, что ты из газеты.

– Теперь понятно, почему меня так быстро вычислило местное начальство, а потом если бы хотели убить, то ничто не могло им помешать.

– Впредь будь осторожней, без особой нужды не рыпайся, у нас тут свои законы.

– Законы дикого запада? Так?

– Выходит так.

– Ничего, мы ещё посмотрим, что можно и чего нельзя в этом феодальном городишке. Может так случится, что вашим князькам кто-нибудь возьмет, да открутит головы.

– Люди бы сказали им только спасибо. В городе разруха, а городская верхушка обзавелась царскими хоромами и никто не спросит – на какие такие доходы все это понастроено.

– Лена, а ты случайно, не состоишь в оппозиции? Есть у вас реальная сила, способная оказывать сопротивление местным самодурам?

– Ты, что, какая оппозиция, какая сила, может она и была, да всю изничтожили – кого убили, а кого просто купили

.Я хотел что-то сказать о неистребимости вольного духа, способности отдельных личностей отстаивать народные интересы и т. д. и т. п. но тут заворчал мой мобильник и голос моего шефа вернул меня к действительности.

– Послушай, Семен, звонил хозяин и сказал, что статья пока не нужна, а пришли ему нечто вроде докладной записки, о том, что видел, без лирики и своих выводов, только голые факты. Все сбрось на его почтовый ящик, понял? Успехов.

– Чего же тут не понять, у хозяина возможно изменились планы, а как известно, кто платит, тот и заказывает музыку – я попытался подняться с дивана, но от сильной боли в ноге и груди, тут же уселся обратно.

– Ты чего ерзаешь? В туалет захотел? – глядя на мои жалкие попытки подняться, склонилась надо мной Лена.

– Понимаешь, надо срочно отправить сообщение моему работодателю, а ноутбук в машине, ты не могла бы его принести?

– Отчего же, сейчас мазь домажу и схожу.

– Там на заднем сидении лежит сумка, её и принеси.

– Всё, я закончила, иду.

– Эх, сумочка, сумочка, как мне тебя не хватает – замурлыкал я – там есть всё, что необходимо человеку, неожиданно попавшему в гости. Виски, конфеты и отличное французское вино, а что еще надо жаждущему и страждущему? Ничего!

Очнулся я рано утром, после бессонной ночи, почти здоровым, слегка побаливали ребра, да все еще шумело в голове. Рядом, тихонько посапывая, спала Лена. Я лежал и размышлял о том, что в последнее время меня явно заносит в разного рода неприятности. Впрочем, если подумать, то по большому счету, выходило – я сам их к себе притягиваю. Всё началось с моего вмешательства в выборы мэра нашего городка. Все мои попытки разоблачить действующую власть, её махинации и подтасовки не к чему не привели, а вот попинали меня тогда по полной программе. Да, если бы не мои друзья, бил бы меня всякий у кого крепкие кулаки и продажная совесть. Больше всего сейчас меня беспокоили мои неожиданные видения. Наверняка у меня в мозгу замкнуло какую – то фазу после первых побоев у Красного дракона, а потому надо смириться и жить с этим дальше, решил я. – Всё, хватит сопли жевать, пора за дело приниматься – с этой мыслью я включил свой ноутбук и буквально за полчаса переработал докладную записку в убойную статью, которую намеревался сдать своему старому знакомцу и единомышленнику в Новой газете. Закончив работу, я подошел к Лене и положил руки ей на плечи. От моего прикосновения она вдруг задрожала и обхватив мою голову руками стала неистово целовать меня. В следующее мгновение мы упали в кровать, и, нежно целуя её набухшие груди, осторожно вошел в неё.

– Милый, я давно тебя жду, я знала, что ты приедешь – предаваясь моим ласкам, шептала она. – Ты не представляешь, но я давно, с детства, тебя знаю, мне очень много о тебе рассказывала твоя бабушка. Там в городе, я сразу узнала тебя, бабушка показывала твоё фото, но виду не подала, хотела посмотреть на тебя, каков ты на самом деле.

– Увидела? И каков же я?

– Такой каким я тебя и представляла, хороший, добрый – засмеялась Лена.

– Но откуда у бабушки может быть моё фото? Мы же с ней никогда не встречались – удивился я.

– Ну, это даже и не фото, это вырезка из какой-то газеты, ты там герой – снова засмеялась Лена и погладив меня по голове, добавила – теперь ты мой герой!

– **Ты прекрасна, ты подарок судьбы, ты моя героиня, – прошептал я.**

– Какое счастье, что ты нашел меня, любимый, ты мой и только мой, – шептала Лена, и неожиданная гордость нежной волной разлилась в моей груди.

Жаркое солнце коснулось моей головы, и, потягиваясь, словно сытый кот, я поднялся с постели.

– Тебе чай или кофе? – направляясь в кухню, спросил я Лену.

– Чай с мятой, – улыбнулась она и, завернувшись в простыню, пошла следом за мной.

Сидя за столом, мы пили чай и молчали, казалось, слова больше не нужны – мы инстинктивно учились без слов понимать друг друга.

– Сеня, тебе пора ехать к бабушке, вот там, рядом с церковью, ее дом, – с жесткой ноткой в голосе сказала Лена и, отвернувшись, ушла в спальню.

«Странно, такая ночь и такое расставание – сама холодность, к чему бы это? – мелькнула тревожная мысль. – Хочет показать, что мол, навязываться после бурной ночи любви не соби-

рается, гордая. А я собираюсь и даже очень собираюсь! От бабушки прямиком к тебе, милая, и никуда ты от меня не денешься!»

Глава 4

Через несколько минут я уже был у калитки бабушкиного дома и смотрел на нее. Она стояла на крыльце и пристально вглядывалась в меня. Открыв калитку, я медленно пошел к ней, но она вдруг отвернулась и ушла в дом.

«Так, от одиночества бабуля совсем одичала, внука позвала, да признавать не хочет», – натянуто усмехаясь, подумал я и решительно вошел в дом следом за ней. Бабушка Анна стояла на коленях в красном углу перед образами и молилась:

– Господи Иисусе, Спаситель наш, благодатию Твоею прикоснись сердца внука моего Семена, огради его страхом Твоим Божественным, удержи его от дурных поступков, наклонностей и привычек, направь его на светлый путь жизни, истины и добра, украси жизнь его всем добрым и спасительным, устрой судьбу его яко же Ты Сам очеси и спаси душу его, как Ты Сам знаешь. Господи Боже мой, дай внуку моему сердце правое, чтобы соблюдал он заповеди Твои, откровения Твои и уставы Твои и исполнял все это. Аминь.

Слушая ее и глядя, как она, целуя икону, поднимается с колен, я на мгновение потерял дар речи – все что угодно, но молитвы о себе не ожидал.

– Здравствуй, внучек, добро пожаловать в отчий дом, ты уж прости старую, что побеспокоила. Я знаю, человек ты занятой, весь в делах, да заботах, но и мое дело неотложно, – вздохнула она и, обняв меня, прошептала: – Дело очень важное.

– Бабушка, да что вы такое говорите, если вы зовете, значит, так надо, значит, это важно, – в тон ей, также шепотом, ответил я.

– Зажилась я, родненький ты мой, пора и на покой, а дело, которое мне было поручено, не сделано, не в моих это было силах, ждала тебя, когда ты подрастешь и созрешь для больших и очень важных дел, – грустно улыбнулась она.

– Интересно, очень интересно, что же это за дела такие, которые вы не успели сделать? – удивился я. – И вы, значит, решили, что я должен эти важные дела довершить? А смогу ли я, вот в чем вопрос.

– Сможешь, на роду тебе написано продолжить дело дедов и прадедов своих, – строго посмотрев на меня, сказала как отрезала бабушка Аня.

– То есть? – не понял я. – При чем здесь деды и прадеды?

– А при том, что ты являешься прямым потомком славного рода священнослужителей Архиповых, пришло время вспомнить о них, о беззаветном их служении Богу и нашей православной матушке церкви. Годы идут, и приходит время, когда надо подумать не только о душе, но и о том, что мы оставляем после себя.

– Бабушка, но почему я впервые об этом слышу? Что за родовая тайна, о которой до сих пор все молчат? – удивлялся я.

– Об этом ты спросишь у своего отца, – отрезала бабушка. – Одно могу сказать: 30 лет назад он сменил фамилию и отрекся от своей семьи, за что был проклят твоим дедом, Спиридоном Фомичем Архиповым. А кроме того, уже на смертном одре, твой дед взял с меня клятву никогда не встречаться с сыном, дожидаться, покуда ты станешь взрослым, и тогда передать тебе наши фамильные ценности и его наказ тебе – продолжить святое дело предков наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.